

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

ГРУНЯ И ФРОСЯ

РАССКАЗ

Они жили в разных концах деревни — две преклонных лет, но ещё крепкие старушки, потому, наверно, и крепкие, что надеяться им было не на кого — ни на детей, которых у них отродясь не было, ни на проживающих за тридевять земель родственников, ни на государство...

Они не были подружками. Даже наоборот: считались соперницами, ибо занимались одним промыслом — гаданием, переняв это ремесло у знаменитой на всю округу деревенской ветхой старухи. Пристрастились Груня с Фросей к гадательным таинствам во время войны, когда им было лет по двенадцать, сперва к простым, а потом всё к более и более сложным, и достигли в своих оккультных знаниях глубокого проникновения в незримые связи таинственных знаков с судьбами людей, приобретя авторитет, или, как сказали бы теперь — имидж, профессиональных гадалок.

И спрашивали у них про свои тревоги и ожидания не только свои деревенские, но и из других мест, ближних и дальних, особенно у Фроси, которая была по натуре своей доброй, и какие бы карты ни выпали, что бы ни говорили показанные фотографии, линии на руке или почерки писем, она говорила только о тех знаках, что сулили благополучное разрешение тревог и горестных ожиданий. Если же их вовсе нельзя было отыскать, она просто

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького в одном семинаре с Н. Рубцовым, О. Фокиной, Д. Ушаковым и др. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников, лауреат премии им. Н. Заболоцкого (2002 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

утешала по-бабьему жалостливо: ничего, мол, голубушка, всё обойдётся, судьба — она не стерва, покуражится немного да приласкает. Фрося не любила далеко заглядывать, да, наверное, и не могла, но ближее и особливо прошлое читала, как открытую книгу.

Груня была другой. Высокая, худощая, она часто сидела на замшелой скамейке под окнами своего нескладно торчащего дома, надвинув по самые брови кашпошон от давно изношенной куртки, и её лицо растворялось во мраке этого кашпошона, и лишь поблёскивали глаза, обращённые к небу.

Груня не любила отыскивать в гадательной грамоте частные, малозначащие, по её разумению, эпизоды, а стремилась проникнуть в суть судьбы человека, пришедшего к ней. Она скупилась на слова, ограничиваясь несколькими фразами, часто непонятными и загадочными.

Но, странное дело, они оборачивались в будущем ясным и правдивым пророчеством. И человек недоумевал: как это он не понял сразу смысла Груняных слов? Может, и обошлось бы тогда.

Часто она вызывала недоумение у страждущего знать свою судьбу вопросами вроде таких: помнит ли он имя прадедушки и чем он занимался? Давно ли и какую читал книгу? Просила показать ногти сразу на обеих руках или назвать любимое кушанье. Если человек не знал своих родичей дальше второго колена, она ворчала: — Вот, дикие калмыки и те обязаны знать своих предков до седьмого колена, а мы, русские, скоро забудем, как звали родных дедов с бабками, а не токмо, как жили они.

К Груне ходили, как правило, приезжие или случайные люди, а свои деревенские не любили её и побаивались. Жила она бедно. В доме, разгороженном одной лишь перегородкой между углой спальней и остальной частью, где были и комната и кухня, и печь, за которой темнел чулан, стояли только стол, ветхий комод тридцатых годов да три стула с табуреткой.

Однако на судьбу она не жаловалась и принимала её удары достойно, тихо приговаривая: всё в руке Божией. В советское время обеих гадалок притесняли всякими неудобствами: то на собрании колхозников пропесочивали, то штраф рублей пять налагали, то с пенсией мурыжили. Но уголовкой, хотя и грозили, обошли стороной.

Теперь же, при демократах, гадай хоть целый день, ещё и поощряют и словом, и рублём, и по телеку рекламируют.

Груня, правда, редко когда брала плату, и то только в последнее время с людей состоятельных. А Фрося, хотя и стыдилась, но не отказывалась от гонорара, как она называла плату за гадание.

— А что, не уместенная работа разве? Вон как я напрягаю свои мозговины, опосля заснуть не могу, — говорила она. — Теперь всё разрешено. Это прежняя безбожная власть запрещала пользоваться Божьей силой, а теперь, слава те, признали и церковь, и Бога.

Груня, когда прослышала об этом Фросином откровении, проворчала:

— Пусть пойдёт спросит попа Евлогия, даже он знает, чья это сила.

Фрося действительно посещала иногда церковь в районном центре, особенно по родительским субботам, и считала себя верующей.

Груня же никогда, сколько я её помню, не заходила в храм и даже сторонилась его, хотя иконки в доме держала. Поговаривали, что она то ли в ранние времена, то ли сейчас прилепилась к старой вере, вроде как беспоповщине, и по некоторым признакам это было близко к правде. В её скудном на всякие излишества доме всегда было прибрано и чисто, на полу лежала домотканая старая, но ухоженная холстина, посуда, старомодная, повидавшая всякие руки, притягивала своей чистотой и порядком расположения. Груня держала с десяток курей да приبلудную кошку не пользы ради, а чтобы было о ком заботиться. Природа женщины не уснула в ней намертво и требовала ослабевшим голоском зримого воплощения в добродотную озабоченность о живом существе.

Во дворе у неё тоже был порядок, ухоженные грядки, забор не косил и не грозился лечь наземь, и только скамейку она не трогала много лет, потому и замшела она. Видимо, старая садищная доска была памятна ей как-ким-то заветным и неугасаемым в сердце событием.

За этот порядок её тоже не любили, ибо колол она глаза сельчанам, чьи дома и дворы и при живых мужиках разительно отличались от Груниных беспорядком и запущенностью.

...Деревенский уклад за последнее время стал решительно меняться. Не стало колхоза. Землю поделили на паи, однако Груне ничего не досталось, да она и не воспротивилась и не захотела мыкаться по начальству в поисках справедливости.

Не нужна была ей лишняя земля, кроме той, на которой торчал её дом, крайний в деревне, откуда открывалось знакомое с детства приволье полей и рощ с елками и ложбинкой с иссохшим родниковым ручьём.

Посреди деревни поставили на металлическом столбушке красивую пластмассовую чашу с хитромудрой начинкой и телефоном с выходом в другие города и страны, но развалившийся вконец деревянный сруб общего колодца, как ни просили, так и не отремонтировали. Каждое ведро воды добывалось с превеликим трудом и риском. Люди мучились, но терпели.

Уже больше года в деревню стал изредка наезжать упитанный господин, инвестор, как называло его местное начальство, и вести разговоры с сельчанами о продаже земельных паёв. Почти все легко и беззаботно продали их за какие-то гроши, и по этому случаю то в одной избе, то в другой гудела гулянка, и пьяные голоса разносили над заброшенными полями: “Хасбулат удалой, бедна сакля твоя...”

К Фросе инвестор тоже заходил, но она, раскинув карты, долго смотрела на расклад, поохала и наотрез отказалась продавать свои три гектара, а соседкам объяснила:

— Сдаётся мне, не к добру это. Плохая выпала карта, да и душа-вещунья супротивляется.

К Груне упитанный господин не приходил, ведая, что у неё нет колхозного пая. Но прошёл год, и в пору осенних безотлыжных дождей он всё-таки заявился. Груня молча провела его в дом, посадила на табуретку, а сама села на стул супротив.

Инвестор быстро обшарил взглядом содержимое избы и какими-то заморскими словами стал напористо объяснять, что модернизация, либерализация и внедрение нанотехнологий в свете утверждённых Президентом нацпроектов требуют решительных перемен во взгляде на приоритетные направления в сельском хозяйстве и жизни села. Он взялся было продолжать, переведя дух, но Груня перебила его:

— Что вам нужно от меня?

— Пустяк, не более того. Ваша изба крайняя и граничит с малопродуктивной землёй.

— Ну, да. Когда-то эта земля давала по тридцати центнеров яблок с гектара, а теперь стала непродуктивной.

— Дело не в центнерах, а в оптимизации хозяйства. Мы провели экономические расчёты и доказали, что здесь лучше создать технический центр по внедрению и обслуживанию электронных систем в животноводстве и полеводстве.

— Это что же, теперь и коров будут доить электроникой? Мало вам людей?

— Отсталая ты, бабка! Жизнь круто меняется, а ты всё за старое держишься, как коза за капусту.

— Оно, конечно, сникерсами кормить козу лучше, ежели не сдохнет от заморского угощения, будет доиться шоколадом. Мало нас клочила новая власть реформами, теперь взялась какой-то маннотехнологией.

Упитанный господин ёрзал на табуретке, но продолжал гнуть свою линию.

— Твой дом стоит как раз на будущей дороге в технический центр. Мы предлагаем за него хорошую плату или построим новый дом на другом конце села.

— Это что же, рядом с Фросей? Нет уж. Никуда не потащу я свои старые кости из этого дома, дедом построенного.

Инвестора стала раздражать эта полоумная старуха.

— Но ведь дом и сгореть может. Допотопная электропроводка, старая печь... Мало ли чего. Помирать пора тебе.

Груня неожиданно сказала:

— Покаж-ка ногти на руках, враз на обёях.

— Зачем? — смутился инвестор, — Ну, если... — И он протянул ей руку с вытянутыми пальцами.

Груня повела глазами на иконку Божьей Матери, потом на все четыре угла избы, и колкий взгляд её уткнулся в протянутые пухлые, как у купчихи, ладони и широкие приплюснутые ногти.

— Жадный ты, загребущий. Удержку нет. Тебе всё мало, а жить осталось-то полгода.

Инвестор вскочил с табуретки:

— Ты что, бабка, с ума сбрендила?

— Не я, не я, уважаемый. Это твои старые долги катят к тебе и аккуратно через полгода прикатят. А платить-то не хочется. Думал, поди, что похоронил их, а они возьми да воскресни.

— Вот что, старая, — голос инвестора обрёл прежнюю нагловатую уверенность, — не уедешь из этого скворечника по доброй воле, пожалеешь. Полгода даю. А бред свой другим рассказывай.

Груня никому не обмолвилась, о чём они толковали с гостем. Но зато сам инвестор надсмехался над Груниным предсказанием, где только было сподручно, и молва о его скорой смерти разбрелась по деревне.

У Фроси тем временем произошли серьёзные перемены в жизненном укладе. Как-то однажды она была в церкви и увидела женщину лет сорока, стоящую на коленях перед иконой Божьей Матери — Скоропослушницы. Женщина не сдвинулась с места до конца литургии. И всё это время рядом с ней стоял подросток лет двенадцати, то сжимая, то растопыривая пальцы рук и не отводя колючего, угрюмого взгляда от иконы.

Фрося почувствовала, как от них обоих исходит горевое безверие и растерянность, и после службы подошла к ним. Мать, её звали Ольгой, и её сын Кирилл действительно были на распутье. Уехав из родного города после того, как убили её мужа, майора-следователя, и пригрозили им, они не знали, где можно притулиться хотя бы на время.

Фрося пригласила их к себе, в деревню, но они долго не соглашались. Наконец, измученные дорогой и неопределённостью своего положения, Ольга с Кириллом забрали из камеры хранения вещи и поехали, наняв машину, к Фросе, тронутые её участием и обещанием помочь в поиске родичей.

Однако уже первое гадание насторожило её. Фрося вновь и вновь спрашивала таинственные силы, где обретут её гости успокоительное прибежище, но всякий раз оказывалось, что оно в её собственном доме. И Фрося решила, что это знак Божий, ей, старой женщине, подмога и опора на исходе земного пребывания.

Ольга оказалась работной да покладистой, то порог поскребёт, то пирог испечёт. А вот Кирилл... Среднего роста, коренастый, с поперечным едва заметным рубцом на лбу и поблескивающими холодными глазами, он был крайне замкнут и делал всё, о чём просила Фрося, молчаливо, но эта молчаливость была не протестом, а скорее подчёркивала его одиночество. Ни с матерью, ни с товарищами по школе, куда его определили в пятый класс, ни с Фросей он никогда не начинал разговор первым. Отвечал же сухо, не выходя за рамки вопроса.

— Давно он у вас такой? — спрашивала Фрося Ольгу. И удивлялась, что до убийства отца это был совсем другой ребёнок — весёлый, открытый, общительный...

В свободное от уроков (а школьников возили автобусом в школу районного центра) и от работ по дому время, Кирилл занимался то с гантелями, то отрабатывал удары ребром ладони по чему-нибудь твёрдому, то учился метать самодельный нож метров на пять. И всегда молча, сосредоточенно и жёстко в каждом движении.

Фрося старалась обходиться без его помощи, жалеючи сиротку, а мать, наоборот, загружала его своими просьбами по делу и не по делу.

— Это отвлекает его и, может быть, поможет вернуться в прежнее состояние, — говорила она.

По Фросиной просьбе Ольгу взяли на работу уборщицей в администрацию района, и Кириллу полечало от ослабления материнского воспитания.

— Что же будет с мальцом, что же будет, когда он омохнатится, — причитала наедине Фрося и вновь, и вновь раскладывала карты на трефового короля. Однако карты отвечали путано и несли какую-то несусветную чушь про пожар и убийства в казённом доме.

— Груньке надо показать, — думала она, — эта старая ведьма любит заглядывать Богу под бороду.

...Наступила зима. Долго ходила чернявкой и то серой ватной мокротой, то вежливыми скоротечными морозцами раздражала население. Наконец, после Крещения разродилась тихим, печальным снегом в пору глубокой сонной ночи. Наутро деревня и её окрестные места обновились до неузнаваемости, радуя чистотой линий и приятностью любого бугорка, дерева и даже старых покосившихся деревенских заборов. Облачная пелена к полудню развеялась, и полудремотное солнце коснулось пологими лучами нового наряда земли и брызнуло пригоршней драгоценных камней на эти обнови.

Люди повеселели и по-праздничному засуетились в своих неотложных заботах.

Как раз в эту пору в деревню забрёл странный человек средних лет, в очках, с узловатой самостроганной палкой, которая просто болталась в его руках, не помогая в ходьбе. Он что-то спросил у прохожего селянина и направился к Грунину дому.

— Наверно от инвестора, по Грунину душу, — подумал прохожий и невольно пожалел её.

Однако путник был сам по себе. Он постучал в калитку, но никто не откликнулся, и тогда он взойшёл на крыльцо и снова постучал.

...Груня провела его в избу, посадила на табуретку ближе к свету, а сама продолжала домовничать. Путник говорил тихим, ровным голосом, глядя всё время на Груню.

— Я живу в городе, сравнительно далеко отсюда. О вас рассказал один мой хороший знакомый. Он года три тому назад заходил к вам за помощью, когда у него были неприятности в семье.

Груня молчала, не откликаясь на рассказ и не задавая вопросов. Изредка она бросала мгновенный взгляд на гостя, продолжая возиться у печки, то подбрасывая дрова, то мешая какое-то варево с незнакомым, но приятным запахом.

Путник продолжал:

— Я забыл представиться: Николай Трофимович, литератор, городской житель. Родился, правда, в сибирской деревне, там и провёл детство. Но потом переезды, переезды, пока не осел в старинном русском городе, где и живу посейчас.

К вам, Груня, приехал не столько за гаданием или каким другим способом предсказания моего будущего, сколько просто поговорить о том, что мучает меня и может ли эта маята разрешиться к лучшему.

Груня наконец отошла от печки и, подойдя почти вплотную к гостю, посмотрела уже более внимательно на его худощавое лицо и спокойные руки с узловатыми пальцами и потом попросила пересесть на стул, а сама села на табуретку рядом.

— И что же мучает тебя? Любовь-отравница или нелады по службе?

— Если бы так, я бы не приехал к вам. Мучает другое — куда волокут Россию и чем это кончится? Возрождением, о котором так сладко поют, или крахом нашей несчастной Отчизны?

Груня улыбнулась одними глазами и снова отошла к печке. Достала из печурки чугунный казанок, поставила его на плиту, потом помешала варево и поставила чайник кипятился.

— Давай отужинаем, мил человек, да за чаем и поговорим. Я и сама не ведаю, как подступиться к этой заботушке, да надо. Голоса почивших вопиют.

Сказано Иоанном Кронштадским: “Дерзновение — великий дар Божий”. Всякому он дан, да не всякий им пользуется во благо. Вот поди разберись, каким боком повернуть его, чтобы осветил нужную путь-дорогу.

Груня меж разговорами поставила на стол отварную картошку и, отдельно в глиняной глубокой миске, вкусно пахнущее варево. Хлеб резать не стала, а преломила на несколько кусков и поставила рядом солонку.

— Садись к столу, Николай Трофимович. С дороги проголодался небось.

Ели молча, не торопясь. Варёво оказалось особо приготовленным овощным рагу с грибами и травами. Только за чаем Груня снова заговорила:

— А что делать-то будешь, коли и впрямь иссякли спасительные силы на Руси?

— Я не думал об этом. Наверное, потому, что не верю, что иссякли.

— Это хорошо. Какой же ты печальник без веры? А знаешь ли, сколько было пророков и в стародавнее время, и в серединное, а уж ныне и по-давно: больше, чем кочек на болоте. И какие были ведуны, не чета мне, грешной.

— Да, читал я и древние, и новые предсказания о судьбе России. Есть такая книга “Россия перед вторым пришествием”. В ней собраны многие предсказания о грядущих временах, начиная с библейских пророков. Например, философ Леонтьев говорил в 1882 году: “России недолго жить. Или погибнет от меча пробуждённых китайцев или путём добровольного слияния с общеевропейской республиканской Федерацией”.

— И кто же придумал такую книгу?

— Написано, что издана в Троице-Сергиевской лавре.

Груня неодобрительно покачала головой, перекрестилась на иконку Спасителя и что-то неслышно проворчала. Потом снова села на табуретку ближе к печке.

Впервые она почувствовала себя не одинокой подле постороннего человека. Всколыхнулось былое, её детство, весёлое, довоенное, где были отец с матерью, карусели, тряпичные игрушки и необыкновенно вкусное мороженое — столбик между двумя круглыми вафельками. Где были, уже после войны, её молодость и тот, единственный, которого любила она первой и последней любовью и с которым провела одну ночь, всего одну летнюю ночьку на той лавочке, что и поныне стоит под окнами её дома, и которого убил амнистированный Берией бандит вечером следующего дня. Она рассказала следователю, как выглядит убийца, куда он выбросил нож, которым убил её любимого, и в каком доме прячется. Следователь удивился и не очень поверил, но всё оказалось именно так.

Потом умер отец от фронтовых ран и вскорости мать, и наступило долгое, долгое одиночество. И вот сейчас на минутку оно покинуло её сердце.

Она смотрела на угасающие угольки в печи и думала, что, наверно, соими гаданиями да немилосердной прямотой согрешила перед Богом, и потому выпала ей такая непутёвая судьба — коротать в одиночестве старость. Иногда ей становилось страшно от безысходности. Вон Фрося, она добрая, и потому прилепились к ней люди и помогут скоротать останные годы. И как бы оправдываясь перед собой, она заговорила вслух по давней привычке, чтобы не отвыкнуть от своего голоса:

— Я не предсказательница. Я просто хочу связать невидимое с видимым и прошлое с будущим. А как иначе? Ведь из невидимого рождается видимое, а из прошлого — будущее. Когда начинала гадательство, война была, горе большое, потери... Сильным я говорила правду, а слабым давала надежду. Ведь и Господь каждому даёт крест по силам его. А вот зла не прощала. И доселе не могу прощать, хотя и ведаю, что это грех мой.

Она замолчала. Слышно было, как шли ходики и что-то глухо потрескивало и вздыхало. И опять вслух для себя:

— Изба устала. Уходит в землю.

Поднялась с табуретки и стала убирать со стола, неторопливо, приводя каждую посудину в свой порядок. Потом снова села к печи, повернувшись лицом к гостю. Она смотрела сквозь него, сквозь комнату и окно куда-то в бесконечность и, казалось, искала связь между этим странным человеком

и тем невидимым, что открывалось ей в бескрайности мира. И он, и всё остальное обретало прозрачность, в которой взгляд не мог и не хотел останавливаться на каком-либо образе, а хотел впитать всё сразу и не познать, а почувствовать истину.

— Однако же ты пришёл другое услышать. Теперь толкуют о последних временах, о конце света. И приметы находят одна другой страшнее. Оно, может, и так.

Но Серафимушка говорил, что перед концом будет благодатная пора в России. Может, это время уже было, если осветить жизнь небесным светом, а не блеском золота. Тоже приметы есть.

— А как же понимать восстановление и строительство храмов, толпы людей на церковных службах?

— Ну, церковь ещё не всё. Вера нужна. И вор Богу молится, да чёрт молитву перехватывает. Ведь сказано: храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а бескровную жертву Иисусу Христу принести будет негде. Да, не в этом главная беда. Дух антихристов давно мутит мир человеков, но никогда ещё так не свирепствовал, как ныне. Ты лучше меня знаешь нынешнюю власть. А народ... Брюхо да пагубные страсти командуют человеком. Всё духосвятство и заботы о хлебе насущном испоганили и задвинули лукавому под хвост. Пошатнулись — распались державные скрепы, искоряется память о давнем и недавнем — живи одним днём. Вот и рассыпается связь времён, как горох из худого мешка. Не мне, грешной, судить грешные дела и заглядывать за последний предел. Болит, исходит слезами и кровью душа, да не хочет искать ответа.

— Но ведь есть же такие, кто не забывает духовные ценности прошлого и хранит их, как незыблемую опору в душе своей, как пламя свечи, ведущее из мрака.

— Да, есть на Руси такие люди. Редкие, как кукушки в захудалом лесу. Они кукуют, а им не верят. Есть и сильные, да на печи сидят. Оставил Бог Россию. Память у всех отшибло. Что вчера было, и то переиначивают каждый на свой лад.

Жизнь — она ведь только из одной сиськи сосёт нынешний день, а из девяти — прошлое время. Изгадим минувшее, получим такое завтраво, что геенна огненная покажется раем.

Груня встала, подошла к комоду и достала деревянный оберег. Протянула гостю:

— Возьми, Николай Трофимович, может, и сгодится.

Посмотрела на ходики.

— Однако же засиделись мы. Ты прости меня, что не нашла доброго ответа на твои тревоги-печали. Ты сильный духом, не сломает тебя бесовское отродье. Давай провожу. Ночь уже на дворе. Извиняй, что не оставляю на ночлег. Знаю, что тебя ждёт один человек, покоя не находит. Ты верь ей, она любит тебя. Может, и на всю жизнь ты будешь у нее один.

— Так что же будет с Россией, Груня?

— А то и будет, что Бог даст. Других спасителей нет.

...Они вышли на вкусно похрустывающий снег и остановились за калиткой у скамейки, заботливо очищенной от снега.

Груня посмотрела долгим взглядом на небо и невольно увлекла туда же взгляд Николая Трофимовича.

Бескрайняя глубокая тьма распласталась над ними. Казалось, она поглотила всё, что было под ней: города и деревни, поля и дороги, бодрствующих и спящих людей, не оставляя даже малой надежды на разрушение ночи спасительными рассветными лучами. И всё же он ощутил давно уже не приходящее чувство облегченности и покоя. Звёзды своим обычным порядком и умиротворённым светом успокаивали душу и примиряли со всеми недобрыми предчувствиями и знаками, и нельзя было не верить, что жизнь на холодной, уснувшей колдовским сном русской земле так же вечна, как и звёзды над ней.

— Ну с Богом! Дойдёшь до районного города, а там возьми такси. Не боись идти ночью семь вёрст?

— Не боюсь. Хаживал уже. Спасибо вам, Груня, за то, что вы есть, что душа ваша открыта миру и людям.

И, помахивая узловатой палкой, он пошёл в сторону города.

В ближней избе засветилось окно, хлопнула дверь, и какая-то женщина вышла на улицу и посмотрела вслед уходящему.

...Ранней весной по деревне прошёл обеспокоенный слух: убили инвестора.

— Аккурат через полгода, — судачили старухи, — как и предсказывала Грунька. Как есть ведьма. К ней ведь хромой бес по ночам ходит. Степановна видела, как он от неё уходил за полночь с палкой больше оглобли.

По избам стали ходить казённые люди, спрашивали, где были в означенный день. Зашли и к Груне, допытывались, откуда ей было известно, что убьют инвестора. Груня ответила странной фразой:

— А он сам сказал об этом. У него и дознавайтесь.

Земельные паи после судебных тяжб вернули прежним хозяевам, ибо их купля была признана незаконной.